

П. Б. Иванов

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУР

Доклад на семинаре Лаборатории музыкальной акустики
при Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского
14 марта 1984

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	1
1. ЛОГИКА ИЕРАРХИЧНОСТИ	2
2. ИЕРАРХИЧНОСТЬ	6
3. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗВУКОВОГО МАТЕРИАЛА В МУЗЫКЕ	10
4. ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ	12
ДИСКУССИЯ.....	19

ВВЕДЕНИЕ

Мой доклад посвящен взаимоотношениям некоей общей концепции иерархичности с материалистической теорией культуры — точнее, с проблемой периодизация культур.

Известно, что в развитии различных искусств наблюдается значительный параллелизм. Так, в начале нашего века все европейские искусства претерпели довольно болезненное разрушение старых форм, сопровождавшееся некоторой диффузностью выразительных средств, другой пример — господство классицизма около двух веков назад. Разумеется, подобная синхронность может быть прослежена на всем протяжении истории искусств в Европе, а причина ее очевидна: развитие производительных сил определяет образ жизни людей и, соответственно, способ его отражения — в частности, художественного. Аналогично тому, как экономический строй конкретного общества характеризуется категорией «общественно-экономическая формация» (ОЭФ), стадии и уровни развития субъекта описываются категорией «культурно-историческая формация» (КИФ), охватывающей все стороны воспроизводства субъекта, все разновидности субъектной рефлексии. Каждая историческая эпоха предполагает как определенный тип объектного воспроизводства, ОЭФ, так и соответствующий тип субъектного воспроизводства, КИФ, — следовательно, ОЭФ и КИФ являются внутренне взаимосвязанными или, говоря философским языком, рефлектирующими друг через друга, составляя лишь две стороны некоего целого, исторической эпохи. Конечно, ведущая роль всегда принадлежит объектному воспроизводству — им определяется, в конечном счете, воспроизводство субъекта. Однако нельзя забывать и о значительном обратном влиянии: коренные сдвиги в экономических отношениях немислимы без предварительной идеологической подготовки.

Существуют две стороны изучения культуры. Во-первых, это периодизация, то есть, по сути дела, связь какой-то культуры или стадий ее развития с вполне определенными явлениями в экономике, с уровнем развития производительных сил. Это содержательная сторона культуры. Но есть и формальная сторона, которая отражается в типологии культур, описании разнообразия их «внутреннего устройства».

Мы все знаем, что культура устроена сложно. Почему она сложно устроена? Очевидно, потому что ее материальная основа организована не менее сложно. Но материальная основа культуры представлена некоторой ОЭФ — поэтому описание внутренней сложности культуры прежде всего требует описания того, как устроен соответствующий этап развития ОЭФ, что в экономике сыграло наибольшую роль в становлении каждой отдельной черты культуры — и каково обратное влияние культуры на экономику.

С другой стороны, ОЭФ не есть нечто статичное, она постоянно развивается. Известно, что в рамках каждой ОЭФ общество проходит ряд качественно различных фаз — и эти фазы можно считать «подуровнями» ОЭФ. (Например, рабовладение, феодализм и капитализм иногда объединяются в единую «формацию», общим признаком которой является классово-антагонистический характер общественного устройства. Или, скажем, три этапа в развитии капитализма: ранний капитализм XVII–XVIII веков, классический капитализм XIX века, империализм XX века.)[†] Кроме того, нельзя считать, что, если какой-то этап в развитии ОЭФ прошел, он просто исчез — и все. Нет, он снят в последующих этапах, то есть какие-то его черты сохранились, и более того, определили внешний облик нового общества. Так, часто черты исторически отжившего экономического и социального уклада задают форму производственных и надстроечных отношений более высокого уровня, составляющих содержание соответствующего исторического этапа. В качестве примера можно привести полуфеодальный капитализм прусского типа. Далее, в процессе развертывания одной ОЭФ на вершину иерархии могут выходить, в зависимости от исторических условий, окружения и т. п., различные слои ОЭФ — происходит, так сказать обращение иерархии. Одна и та же формация поэтому может представлять самым различным образом, вплоть до кажущегося регресса, возврата к уже пройденным фазам. (Конечно же, такой возврат происходит лишь в явлении. По сути же дела, развитие необратимо — и устаревшие формы общественного устройства не могут устранить исторического опыта народа, его былых достижений. В связи с этим ясно, что всякая контрреволюция неустойчива, она может лишь отсрочить окончательное закрепление нового строя.)

Перечисленные признаки: поэтапность и необратимость развития, снятие истории во внутреннем строении объекта, многоуровневость и вариативность, изменение соотношения уровней — мы и описываем понятием «иерархия».

1. ЛОГИКА ИЕРАРХИЧНОСТИ

Для того, чтобы можно было рассказать, что же такое, в нашем понимании, есть иерархия, необходимо обратиться к самой логике предмета. К сожалению, здесь без логических соображений ни шагу ступить нельзя, а логика довольно сложна. Всем известно, что есть формальные логики и логика диалектическая — однако часто различие их остается лишь номинальным, голым противопоставлением. Такое противопоставление безосновательно. Формальная логика и диалектика не существуют сами по себе: формально-логическое мышление всегда будет в какой-то мере диалектическим, а диалектика неотделима от своих формализаций. Более того, чтобы диалектика стала *логикой*, то есть чтобы возникла *диалектическая логика*, необходимо пройти стадию формализации. Тем самым получается, что у нас есть одна диалектика, и мы ее разными способами формализуем, получая различные логики. В частности, обычную формальную логику можно получить таким образом, хотя эта формализация более низкого уровня, чем та, что потребует нам для построения теории иерархий. Логика теории иерархий («иерархическую логику») можно, с другой стороны, считать просто более высоким уровнем классической логики — и можно ее положить в основание соответствующей математики, и далее перенести во все области, куда математика уже пришла, — однако эта работа еще впереди, пока существуют лишь предварительные наброски на такую математизацию иерархической логики.

Сущность иерархической логики составляют основные законы диалектики, которые применяются здесь как логические приемы. Так, закон единства и борьбы противоположностей

[†] В угловых скобках < > — текст, отсутствовавший в фонограмме доклада и вставленный при перепечатке.

применяется как логический прием, заставляющий нас при описании какого-либо объекта начинать рассмотрение с развития его внутренних противоречий, с того, как они превращаются во внешнее движение. Такой логический ход, в принципе, ничем не отличается, по характеру применения, от привычной нам со школьной скамьи силлогистики.

Закон превращения количественных изменений в качественные описывает само движение как противоречие. Если перед этим противоречия объекта приводили к определенному внешнему движению его, то теперь само движение противоречиво — что заставляет переходить к синтезу, объединению противоположностей в одном объекте. В результате получается некое синтетическое образование — именно синтетическое, с внутренним различием синтезированных сторон, сопоставлением их с полученным целым. Для того, чтобы превратить это целое в единичность, которую далее можно было бы использовать как простой, нерасчлененный внутренне элемент, надо применить третий логический прием — закон отрицания отрицания. Он как раз и *снимает* опосредующее движение, сохраняя его в *целостности* получаемого таким образом объекта. Внешнее опосредование закон отрицания отрицания превращает во внутреннюю опосредованность объекта.

Итак, закон единства и борьбы противоположностей характеризует источник, причину движения; закон перехода количества в качество описывает само движение; закон отрицания отрицания фиксирует результат движения. Однако результат движения представляет собой, как второе отрицание, тот же исходный объект, но на более высоком уровне. И уже здесь сидит иерархичность. Законы диалектики, можно сказать, связывают различные уровни иерархии в процессе ее развертывания.

Теперь обратимся собственно к формализации. Если законы диалектики дают нам содержательную сторону иерархической логики, ее сущность, то ее специфическую форму в нашем случае представляет триадичность. Разумеется, это не единственно возможная форма, и можно придумать сколько угодно других — однако мы не стали изобретать велосипед, а просто адаптировали к нашим потребностям уже достаточно широко известный в философии механизм триады, несколько его расширив и обобщив. Известно, что наиболее совершенным было использование триадичности в работах Гегеля, которого мы считаем истинным родоначальником правильного, то есть диалектического понимания триады. В «Науке Логики» Гегель писал, что триадичность не является существенной стороной его философской системы — и неспособна стать основой всякого вообще мышления. Может быть в умозаключении как три члена, так и четыре или больше — важно только, чтобы оно отражало внутреннюю противоречивость понятия, его развитие. Тем не менее, в логической системе Гегеля допущена абсолютизация формы, перекрыт выход за пределы триады, сделана остановка на третьем ее звене. Иначе и не могло быть, если пытаться объяснить диалектическое движение духа, исходя из него самого — здесь идеализм смыкается с метафизикой.

Какова триадичность в нашем случае? За основу мы взяли триаду

материя → движение → бытие ,

которая представляет собой схематическое выражение известного высказывания В. И. Ленина: в мире нет ничего, кроме движущейся материи... Мир как бытие есть единство материи и движения.

Однако понимать эту основную триаду можно по-разному, как логический прием она применяется трояким образом. Это зависит от того, на что мы обращаем внимание. Если обратиться к категории «бытие», то мы говорим, что бытие есть единство материи и движения. Здесь триада выступает как способ синтеза противоположностей в одно целое. С другой стороны, если мы говорим о материи, мы видим, что материя есть источник и причина всякого движения и всякого бытия. Учитывая большую обобщенность и абстрактность категории «материя», в этом контексте, мы приходим к триаде как развертыванию внутренней противоречивости исходного объекта во внешнее противопоставление различных его сторон. Мы делаем, таким образом, упор на то, что элементарное, абстрактно-единичное, уже содержит в себе зародыши более сложного, конкретного. Наконец, если обратить внимание на средний член триады, то на первый план выступает *связь* крайних ее членов. Так, мы говорим, что бытие материи осуществляется только через ее движение, то есть движение *опосредует* связь материи и бытия, движение выступает здесь как опосредование, как связывание противоположностей. (Отметим, что опосредование *не разрешает* противоречий, оно, скорее,

подчеркивает их.) Три указанных *обращения* основной триады лежат в основе обращения любых иерархий, то есть выделения в них той или иной вершины с установлением отношений иерархического соподчинения между элементами. Но об этом речь пойдет позже.

Есть, разумеется, огромное количество других триад. Прежде всего, обратная сторона основной триады — триада объекта:

$$\begin{array}{ccccc} \text{объект} & \rightarrow & \text{субъект} & \rightarrow & \text{продукт} \\ \text{Ob} & & \text{Sb} & & \text{Pd} \end{array}$$

Крайние ее члены суть объекты, но продукт уже содержит в себе субъективность, он опосредован ею, он есть единство объекта и субъекта. Как и основная триада, триада объекта представляет три логических формы, связанные с тремя ее обращениями. Наряду с пониманием продукта как единства субъекта и объекта, возникает представление об объективности как субъекта, так и продукта. С другой стороны, мы видим, что специфической чертой субъекта, отличающей его от других объектов, является опосредование связей в объективном мире. Важно, что это опосредование здесь не случайно, как в неживой природе, и не жестко необходимо, как в биосфере. Опосредование становится субъектным только когда оно универсально, когда связываются *любые* объекты. Мы приходим, таким образом, к основному определению субъекта — универсальное опосредование.

К только что описанной триаде тесно примыкает триада деятельности, представляющая ее как единство объективного и субъективного, внешней и внутренней деятельности.

Наиболее фундаментальными являются также категориальные триады, каждая из которых выражает закон диалектики. Триада бытия

$$\text{бытие} \rightarrow \text{сущность} \rightarrow \text{объект}$$

фактически соответствует структуре «Логики» Гегеля, за исключением того, что раньше объекта Гегель говорит о понятии. Эта триада выражает движение от абстрактного к конкретному. Действительно, непосредственное бытие само по себе абстрактно, поверхностно. Чтобы сделать его конкретным, необходимо увидеть его во всех опосредованиях, в его рефлексивности. А это и отвечает сущности, как ее понимал Гегель. Замечая, что наше представление об иерархичности вполне соответствует категории «конкретность», мы можем переписать триаду бытия в виде

$$\text{абстрактное} \rightarrow \text{рефлексия} \rightarrow \text{конкретное}$$

или

$$\text{непосредственность} \rightarrow \text{опосредование} \rightarrow \text{иерархичность} .$$

Иерархичность здесь предстает как единство непосредственного бытия и опосредования, причем сущность ее именно в опосредовании, в рефлексии.

Одна из наиболее широко используемых триад — это триада

$$\text{синкретизм} \rightarrow \text{анализ} \rightarrow \text{синтез}$$

Обычно в литературе анализ и синтез противопоставляются друг другу, и редко где встретишь сопоставление их с, так сказать, третьей противоположностью — синкретизмом, нерасчлененной целостностью. Анализ естественно выступает как отрицание синкретизма, его расчленение на внешним образом противопоставленные друг другу части. Тогда синтез есть восстановление целостности после анализа, хотя получаемая целостность уже не является простой, она внутренне расчленена, иерархична. (В свете вышесказанного логическое содержание основных законов диалектики может быть понято как связь соответствующих членов триады $\text{синкретизм} \rightarrow \text{анализ} \rightarrow \text{синтез}$: $\text{синкретизм} \rightarrow \text{анализ}$ — закон единства и борьбы противоположностей; $\text{анализ} \rightarrow \text{синтез}$ — закон перехода количества в качество; $\text{синтез} \rightarrow \text{синкретизм}$ — закон отрицания отрицания.) Таков процесс познания: он идет от синкретизма через анализ к синтетичности.

Можно указать также на категориальные триады

$$\text{качество} \rightarrow \text{количество} \rightarrow \text{мера}$$

$$\text{сущность} \rightarrow \text{явление} \rightarrow \text{действительность}$$

$$\text{содержание} \rightarrow \text{форма} \rightarrow \text{явление}$$

носитель → свойство → качество

Обычно в литературе встречаются лишь различные фрагменты этих триад, сведение их к традиционным дихотомиям типа количество — качество, содержание — форма и т. п. У Гегеля же, равно как и у классиков марксизма, всегда присутствует третье звено соответствующих триад, как единство противоположностей. Особенно заметна однобокость дихотомий на примере последней триады:

носитель → свойство → качество .

Можно встретить противопоставления любых двух членов этой триады в тщетных попытках понять их соотношение. Здесь же видно, что материальную основу качества представляет понятие «носитель», тогда как динамическая (идеальная) ее сторона описывается понятием «свойство». Такое понимание сразу уничтожает массу путаницы, особенно в философских и психологических рассуждениях.

Известная триада

единичное → особенное → всеобщее

наиболее часто встречается у наших марксистов. Это, пожалуй, наряду с триадой *качество → количество → мера*, все, что осталось в нашей философии от триадических построений Гегеля. На этой триаде, по сути дела, построена современная формальная логика, все ее варианты. Другими словами, формальная логика есть такая формализация диалектики, которая отыскивает в любом объекте лишь одну сторону, одно измерение, соответствующее триаде *единичное → особенное → всеобщее* — никакие другие стороны объекта ее не интересуют. Иерархическая логика, напротив, выделяет общий характер триадичности как таковой, рассматривая триаду *единичное → особенное → всеобщее* лишь как одну из возможных триад.

Что можно сказать по поводу всех этих триад? Во-первых, отметим, что все они тесно связаны с основной триадой и являются какими-то сторонами ее. Конечно, связь эта довольно сложна и опосредованна, однако она существует, о чем мы знаем во многом благодаря Гегелю. Однако, несмотря на тесную взаимосвязь и взаимопроникновение, каждая триада может применяться как самостоятельная логическая схема. Здесь один из основных «трюков» иерархической логики. Мы получаем каким-то образом некоторое утверждение, касающееся частного объекта. А дальше заявляем, что это утверждение носит всеобщий характер и является логической формой, если под отдельными понятиями, из которых оно построено, понимать объекты соответствующей сферы приложения. (Такой переход аналогичен переходу от арифметики к алгебре, или от булевой логики к исчислению предикатов.)

Еще один важный момент — цикличность, дело в том, что триада выражает не законченное, а *повторяющееся* движение, воспроизводство объектов и связей. Триада принципиально незамкнута, нельзя считать, что, пройдя указанные три ступени, можно остановиться и полагать, будто дело сделано, больше ничего не надо. Как раз здесь «погорел» Гегель, и именно этот момент подчеркнут Марксом в «Капитале». К любому объекту может быть применена любая из уже найденных логических форм — и, конечно, это относится к любому элементу триады. Например, в триаде *синкретизм → анализ → синтез* каждый из трех уровней может быть понят как развернутое движение от синкретизма к синтезу, то есть каждый элемент триады не только принадлежит ей, но и «вбирает» ее в себя. (Такое вбирание носит несколько иной характер, нежели рефлексия, скажем, анализа и синтеза в синкретизме. Здесь существуют опосредующие звенья — триады отношений, которые позволяют перейти к тетрадному формализму. Но этот вопрос мы сейчас не затрагиваем.)

Итак, каждая триада может быть понята как циклическое движение — то есть воспроизводство некоторого объекта. Особенно полезно такое «продолжение» триады объекта:

$\dots \rightarrow Ob \rightarrow Sb \rightarrow Ob' \rightarrow Sb' \rightarrow \dots$

Эта цепочка символизирует воспроизводство объективного мира, опосредованное субъектом. Но теперь, когда перед нами не отдельный акт субъектного опосредования, а циклическое движение, объект и субъект в нем как бы равноправны, ж можно, начав движение с субъекта записать триаду субъектного воспроизводства:

$\dots \rightarrow Sb \rightarrow Ob \rightarrow Sb' \rightarrow \dots$

Мы видим, что развитие субъекта есть следствие преобразования им внешнего мира — оно

опосредуется внешней деятельностью субъекта, причем опосредующий объект выступает здесь и как продукт деятельности, и как предмет потребления. Процесс развития, расширенное воспроизводство субъекта, имеет, таким образом в своей основе материальное производство. Мы теперь можем сказать, что воспроизводство материального мира объединяет два цикла воспроизводства:

$$\begin{array}{ll} \text{объектный цикл} & Ob \rightarrow Sb \rightarrow Ob' \\ \text{и субъектный цикл} & Sb \rightarrow Ob \rightarrow Sb' \end{array}$$

Чем отличается простое воспроизводство от расширенного? Рассуждая в духе иерархической логики, мы должны представить их как звенья одной триады. Одним из возможных представлений является триада

$$\begin{array}{l} \text{простое воспроизводство} \\ \quad \downarrow \\ \quad \hookrightarrow \text{рефлексия (творчество)} \\ \quad \quad \quad \downarrow \\ \quad \quad \quad \hookrightarrow \text{расширенное воспроизводство} \end{array}$$

По сути дела, эта триада есть определение творчества: то, что выводит субъекта в его деятельности за рамки простого воспроизводства, превращает воспроизводство объективного мира и самого субъекта в расширенное воспроизводство. (Аналогом и объективной основой творчества является рефлексия, категория, относящаяся не только к субъектному воспроизводству, но и к миру не обладающих разумом объектов. См. приложение.*)

2. ИЕРАРХИЧНОСТЬ

Теперь мы можем попытаться раскрыть, на основании вышеизложенного глобального подхода, что есть иерархия в нашем понимании.

Интуитивно всем ясно, что для иерархии характерно наличие нескольких уровней, между которыми установлены отношения «господства» и "подчинения». Иерархическая горизонталь объединяет все отношения некоторого одного уровня, тогда как иерархическая вертикаль охватывает межуровневые отношения. Это интуитивное представление в общем-то верно, но неполно. Простой пример: формы движения материи. Они образуют очевидную иерархию: действительно, есть набор уровней сложности движения, более высокие уровни определяют направленность протекания процессов на нижних уровнях. Однако пристальный взгляд выявляет ряд нетривиальных обстоятельств. Во-первых, между любыми двумя уровнями можно найти любое количество промежуточных уровней, делая переходы между ними сколь угодно плавными, хотя и сохраняя качественное различие соседних уровней. Например, переход от биологического уровня к психологическому уже сейчас потребовал рассмотрения десятка промежуточных форм движения — и конца этой опосредованности не видно. Понятно, что приходится рассматривать иерархию форм движения всегда в свернутом (или, точнее, не до конца развернутом) виде: выделяются лишь несколько существенных для конкретной задачи уровней и ищутся связи между ними. А значит, любая иерархия должна допускать свертывание — как бы «сплющивание» нескольких уровней в один. Все иерархические отношения промежуточных уровней, иерархическая вертикаль, при этом снимается в элементах и связях получившегося «более лаконичного» (более обобщенного) уровня. Однако иерархия здесь остается *той же самой*, хотя структура ее изменилась.

Далее, налицо многомерность иерархии форм движения. Так, по степени сложности мы получаем иерархические структуры наподобие той, что приведена в «Диалектике природы», — или тех, которые любят конструировать наши философы (напрасно ломающие копыя относительно правильности своих построений: все они правы, но у каждого лишь одна из многих возможных структур). С другой стороны, располагая уровни движения по соответствующим характерным временам, то есть по периодам воспроизводства, мы получим другие иерархические структуры: от элементарных частиц к макрообъектам и космологии. Что же выходит? — Иерархию форм движения материи можно вертеть и тем концом, и этим, получая

* Имеется в виду статья П. Б. Иванова (при участии Ю. В. Рождественского) «Рефлексия: пути развития» (1984), которая приложена к тексту, хранящемуся в архивах семинара. В данном издании приложение опущено — статья имеется в виде отдельного текста.

различные иерархические структуры. Но это значит, что она является единством всех таких структур, независимо от того, обнаружили мы их или нет, — то есть иерархия многомерна!

Далее, более высокие уровни движения не существуют без более низких. Скажем, биологическое движение предполагает и химию, и физику, и все остальное. Но если в одной структуре, в одном «обращении» иерархии, некоторый уровень или элемент был высшим, — в другом обращении он может оказаться низшим. Например, по сложности биологическое движение явно выше, чем обращение звезды вокруг центра галактики, тогда как характерные времена последнего процесса существенно больше. И значит, если в одном отношении элемент *A* входит в цикл воспроизводства элемента *B*, то в другом — элемент *B* лежит в основе движения элемента *A*, а в третьем они находятся на одном уровне! Таким образом, понятия иерархической горизонтали и вертикали оказываются относительными. Можно привести еще пример: клетка, которую все без колебаний отнесут к менее сложным образованиям, чем организм. Однако известно, что для процессов жизнедеятельности клетки существенно, каково ее назначение на данном этапе жизнедеятельности организма, что, в зависимости от органической среды, сильно меняется поведение клетки — вплоть до изменения характера белкового обмена и наследственных структур. А значит, на клеточном уровне можно считать организм лишь одним из условий, в которых клетка живет, — то есть более низким, более фундаментальным уровнем биологической иерархии. И снова уровни в иерархии поменялись местами, произошло ее обращение. Разумеется, возможно сколь угодно большое число обращений любой иерархии.

Подобное рассмотрение частных случаев иерархичности приводит нас к общим чертам, присущим всякой иерархии. Свойств таких довольно много. Назовем только некоторые из них.

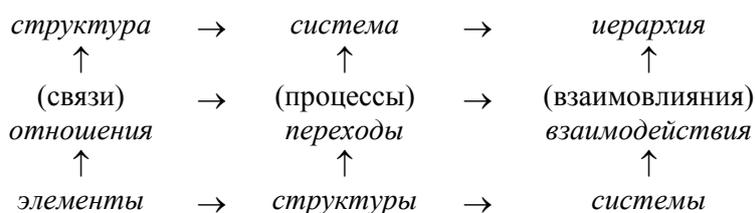
Первое, и самое главное, — иерархия есть целостность. Много говорят о целостности множеств, систем и т. п. Однако в случае иерархичности мы имеем в виду такую целостность, которая живет и развивается «за свой счет», исходя из своих внутренних противоречий — чего не скажешь, например, о множестве. Конечно, в литературе много было терминов для подобной целостности, начиная со спинозовской субстанции или марксовой «органической системы» — до новейших словечек вроде «гетерархии». Мы считаем естественным использовать старое название «иерархия», поскольку только такое понимание ее не заводит нас в терминологические и методологические тупики, позволяя отличить иерархию от структуры или системы.

Другая черта — неисчерпаемость иерархии вглубь, качественная и количественная. Об этом уже достаточно говорилось здесь.

Свертывание и развертывание иерархий также упоминалось ранее. Некоторую подиерархию всегда можно свернуть в один элемент, и обратно, всякий элемент можно увидеть как иерархию, выделяя в нем те или иные подуровни.

Наконец, обращение иерархий, единство свертывания и развертывания. Обращение, с одной стороны, выделяет какую-либо из возможных иерархических структур, а с другой — делает тот или иной элемент вершиной иерархии. Важно, что у иерархии никогда нет выделенной вершины «на все времена» — вершина появляется, так сказать, в каждом конкретном акте существования иерархии — в каждом обращении, вызванном, разумеется, условиями взаимодействия данной иерархии, данного объекта, с другими объектами.

Попробуем теперь взглянуть на все это с позиций нашей «иерархической логики». Для этого рассмотрим следующую довольно сложную конструкцию:

Мы выделяем три уровня организации:

$$\text{структура} \rightarrow \text{система} \rightarrow \text{иерархия} .$$

⟨При желании, можно подключать в эту триаду еще и *элемент*, как уровень нулевой организации, превращая тем самым триаду в тетраду. Легко видеть, что это соответствует

рассмотрению триады *отношение* → *переход* → *взаимодействие*, то есть триады «отношений» вместо триады «элементов».) В свою очередь, мы понимаем структуру как единство элементов и отношений между ними. (Например, элементы теории множеств «элемент» и «множество» связаны отношением принадлежности.) Соответственно, система представляется как переходы одних структур в другие, взаимопереходы. Иерархия же возникает во взаимодействии систем. Это все пока довольно абстрактно; будем надеяться, что в дальнейшем что-нибудь прояснится. Пока лишь заметим, что отношения между элементами сами по себе еще не определяют структуры. Существенно, что из этих отношений возникают более сложные отношения, опосредованные другими элементами. Учет всех опосредований приводит нас к понятию связи между элементами, то есть опосредованному отношению. А когда связи стали не менее сложными объектами, чем элементы, возникает новый уровень — структура как единство элементов и их связей, уточняя предыдущее определение. (Отметим, что структура может быть, исходя из этого, понята как иерархия элементов и связей — хотя в контексте триады *структура* → *система* → *иерархия* она есть лишь самое начало иерархичности, низший уровень организации. Тем самым еще раз подчеркивается относительный характер сопоставления уровней в иерархии.)

Точно так же, опосредованный переход есть процесс — который интуитивно и представляет собой последовательность переходов, от одного объекта (состояния, структуры) к другому. Аналогично действие одной системы на другую, опосредуясь, превращается во влияние, взаимодействия — во взаимовлияния.

(В связи о широкой распространенности системной терминологии — несколько замечаний о нашем понимании системности. Мы считаем, что система — это, грубо говоря, то, что имеет вход, состояние и выход. Именно в таком понимании работает обычно вся математика, возникшая вокруг системного подхода. Мы заранее отмежевываемся от универсалистских позиций, готовых все, что угодно, обозвать системой. Для нас система — лишь один уровень (из бесконечного их числа!) в иерархии организации материальных объектов и их движения. Мы говорим, что системы взаимодействуют, когда они связаны через некоторый объект, который по отношению к одной системе становится выходом, а по отношению к другой — входом. Таким образом, система проявляется как элемент, имеющий внутреннюю структуру.)

Легко понять, что структурность — это статическая сторона объекта, а системность — его динамическая сторона, его эволюция. Иерархичность же отвечает развитию (не эволюционному, а революционному, скачкообразному!) объекта.

В литературе можно встретить такие словосочетания как «иерархическая структура» или «иерархическая система». Чтобы правильно понять такого рода конструкции, уже необходимо иметь некоторое представление об иерархичности, «в отдельности» от структуры или системы. Но, имея триаду организации объектов *структура* → *система* → *иерархия*, мы можем говорить о соответствующей триаде уровней движения, триаде свойств: *структурность* → *системность* → *иерархичность*, *статика* → *динамика* → *развитие*. И тогда легко построить новые триады типа

$$\begin{array}{l} \text{структура} \rightarrow \text{иерархичность} \rightarrow \text{иерархическая структура} \\ \text{система} \rightarrow \text{иерархичность} \rightarrow \text{иерархическая система} \end{array}$$

Иерархическая структура, таким образом, представляет собой результат развития некоторой исходной, простой структуры — так что нам заданы лишь уровни и связи между ними (иерархическая вертикаль), но не видно, как они возникли, и почему именно в таком виде. Аналогично иерархическая система описывает многоуровневость движения, без понимания источников, причин такой многоуровневости. Ясно, что можно и в иерархии выделить собственно иерархичность — хотя выражение «иерархическая иерархия» звучит несколько странно. Мы поэтому напомним эту триаду в виде

$$\text{иерархия} \rightarrow \text{иерархичность} \rightarrow \text{объект} ,$$

подчеркивал, что в объекте существенна прежде всего иерархичность, то есть развивающаяся целостность. В этой триаде все становится на свои места, когда мы сопоставляем ее с уже упоминавшейся триадой

$$\text{носитель} \rightarrow \text{свойство} \rightarrow \text{качество} .$$

Видно, что качество, «определенность объекта, тождественная с его бытием», и есть «иерархическая иерархия», единство иерархичности носителя и свойств.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что развитие возможно только на уровне иерархичности — система и структура не развиваются, они существуют либо функционируют. Почему так? Вспомним триаду

непосредственность → опосредование → иерархичность ,

которая говорила, что сущность иерархичности есть опосредование. Откуда берутся более высокие уровни иерархии? Очень просто: некий объект действует на весь окружающий его мир, а внешний мир снова действует на этот объект, в результате чего объект изменяется как бы за счет собственной активности, опосредованной внешним миром, — и тем самым переходит на качественно новый уровень. Этот акт в философии называется рефлексией, точнее, внешней рефлексией.

Голос из аудитории: Которая, правда, всегда относилась к субъекту, к человеку...

Да, к сожалению, это традиционно субъектная категория философии, в последнее время отошедшая практически в ведение психологии. Тем не менее, уже у классиков марксизма можно найти упоминания о всеобщности рефлексии, не говоря уже о естественной для идеализма всеобщей рефлексии у Гегеля. Оно и понятно: ведь отражение — всеобщее свойство материи, мы все это знаем. А рефлексия, по сути дела, есть просто более высокий уровень отражения, отражение объектом самого себя через внешний мир, через взаимодействие с внешним миром. И поэтому рефлексия — всеобщее свойство материи, а значит, иерархичность тоже носит всеобщий характер.

Каждая триада, возникающая у нас при рассмотрении иерархичности, может быть понята трояким образом. Во-первых, как структура. Мы можем считать, что приведенные триады выступают как определения соответствующих объектов в рамках нашей теории. В частности, в каждом готовом объекте мы должны будем различать соответствующие элементы и связи. С другой стороны, триада как процесс, как системное образование, заставляет нас проследивать аналогичные уровни в движении каждого объекта, в его истории. Наконец, триада может быть понята как иерархичность, развитие.

Само соотношение диалектики и логики естественно укладывается в триаду

диалектика → формализация → логика .

Здесь логика предстает как некоторая иерархия, в которой, в свою очередь, снята триада

«формальная логика»

└─ диалектическая логика

└─ «иерархическая логика»

Видно, что структура логики определяется теми или иными законами диалектики — а формализация отражает деятельностный аспект, субъективную диалектику.

Как проявляются свойства иерархичности на уровне логики, в триадах? Уже говорилось о том, что структура в определенных отношениях может выступать как иерархия — и здесь неисчерпаемость триады вглубь. Далее, обращение иерархий позволяет нам рассматривать наряду, например, с триадой

структура → система → иерархия

также триады

система → иерархия → структура

иерархия → структура → система

структура → иерархия → система

и другие. Каждое из таких обращений основной триады выражает свой аспект взаимосвязи этих трех категорий: структура возникает как результат развития системы, фиксация в иерархии некоторой структуры превращает ее в систему, иерархические отношения между структурами (процессы!) приводят к системности.

Отметим, что в процессе отражения субъектом объективных закономерностей все отношения объектов имеют тенденцию перевертываться — как в зеркале. Скажем, если в действительности сущность определяет свои проявления, то в отражении сущность предстает

как единство многих явлений, мы сначала видим явления, а уже от них переходим к сущности. И точно так же от формы мы идем к содержанию. Такое свойство отражения является всеобщим и связано с тем, что отражение (например, субъектом внешнего мира) есть всегда опосредование:

$$Ob_1 \rightarrow Sb \rightarrow Ob_2 .$$

Здесь *Sb* опосредует отношение *Ob₁* и *Ob₂* — и видно: то, что для *Ob₁* есть его активность, — для *Sb* есть его пассивная сторона; пассивная сторона *Ob₂* для *Sb* выступает как его активность.

Интересным приложением нашей концепции иерархичности служит описание процесса построения какой-либо теории. Широко известно, что марксизм требует сочетания исторического и логического подходов. Но нельзя, как это делает большинство исследователей, ограничиваться дихотомией историческое — логическое, даже и декларируя их единство. Надо понять, в чем состоит это единство, что их объединяет. Мы можем, отвечая на этот вопрос, выписать триаду

$$\text{генезис} \rightarrow \text{логика} \rightarrow \text{история} ,$$

выделяя еще и генетический подход, описание процесса становления исследуемого объекта. Действительно, история предполагает логическую переработку фактического материала, его осмысление в свете потребностей практики сегодняшнего дня — а не просто фиксацию эмпирических данных. История — понятий с наших сегодняшних позиций генезис. По отношению к теории, генезис — это структура, временная последовательность фактов; логика — система, причинность; история — место объекта в практике нашего дня, его иерархичность. Однако отметим, что можно (и нужно) рассмотреть еще и обращения этой триады — они описывают другие стороны иерархичности теории. Так, по отношению к предмету исследования возникает триада

$$\text{логика} \rightarrow \text{история} \rightarrow \text{генезис} .$$

выражающая движение от абстрактного к конкретному, от структуры объекта через его функционирование к его развитию.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗВУКОВОГО МАТЕРИАЛА В МУЗЫКЕ

Теперь, после того как я рассказал, что такое иерархия (может быть, не слишком понятно, — да тут уж ничего не поделаешь), — хочу привести один пример иерархичности из области, близкой здесь присутствующим. В нашем прошлом выступлении на «Акустических средах» мы с Л. Авдеевым говорили о звукорядности в музыке. Была предложена математическая модель процесса восприятия, позволившая увидеть, как, в зависимости от ряда внутренних, психологических параметров, создается представление о том или ином звукоряде — и как звукорядность развивалась исторически. Я не буду сейчас касаться математической стороны вопроса — она частично освещена в нашем трактате, который имеется в архиве Лаборатории. Моя задача — прояснить ту логику, на базе которой сформировалась наша теория звукорядов.

Для понимания сути звукорядности в музыке необходимо найти, как она соотносится с другими музыкальными явлениями, каков тот уровень в иерархии музыки в целом, о котором идет речь. Обращаясь к триаде организации *структура* → *система* → *иерархия*, мы выделили соответствующие уровни организации звукового материала в музыке:

$$\text{звуковая основа} \rightarrow \text{функциональность} \rightarrow \text{фонизм} .$$

Первый из них, звуковая основа, характеризует некую первичную организацию звука, его структурированность. Функциональность отражает системный характер звучания, связь различных структур, «музыкальную причинность». Фонизм есть снова возвращение к звуку, но уже опосредованному его функцией. Это реальное звучание как единство звуковой основы и функциональности.

Достаточно ли такая триада определяет звукоряд? Нет. Можно сразу сказать, что звукорядность есть какой-то уровень звуковой основы — ибо звукоряд представляет собой одну из возможных звуковых структур. Это уже немало, так как мы сразу указываем на функциональность и фонизм как нечто не относящееся к искомому уровню — и перестаем

опасаться, что где-то чего-то не учли. Однако триада

звуковая основа → функциональность → фонизм

может возникать на разных уровнях звучания, что говорит о существовании еще одного измерения в конструируемой иерархии. Описать это измерение довольно трудно, однако мы можем привести примеры возникающих здесь уровней, не организуя их пока в какую-либо логическую схему:

<i>тон</i>	→	<i>гармоники</i>	→	<i>звук</i>
<i>звукоряд</i>	→	<i>ладогармонические отношения</i>	→	<i>интонирование</i>
<i>звуковой пласт</i>	→	<i>архитектоника</i>	→	<i>фонизм</i>

Действительно, чистый тон — гауссоида, как он появлялся в нашей модели, может считаться той звуковой основой, на которой строятся функциональные связи между гармониками, в единстве которых возникает звук, представленный своим основным тоном и спектром гармоник. Ясно, что до звукоряда здесь еще далеко, это слишком низкий уровень. С другой стороны, триада

звуковой пласт → архитектоника → фонизм

есть слишком высокий уровень, на котором также нельзя говорить о звукорядности. Надо искать где-то между этими крайностями. Ясно, что определение звукоряда предполагает соотнесение его с ближайшими по иерархии уровнями. Такое соотнесение и осуществляется триадой

звукоряд → ладогармония → интонирование .

Итак, звукоряд есть некоторая структура. Ее элементами являются звуки, определенные триадой *тон → гармоники → звук*. То есть мы строим звукоряд из уже достаточно сложных, иерархических образований. Не менее сложными должны быть и отношения между звуками, они должны учитывать, что звук есть не просто элемент — но целостность, единство основного тона и гармоник. Таким отношением звуков является в нашей модели диссонирование:

звук → диссонирование → звукоряд
элемент → отношение → структура .

Но какова же мера диссонирования? Естественно сразу различить здесь качественную и количественную стороны в триаде

диссонантность → диссонирование → диссонанс
качество → количество → мера .

Если диссонантность указывает, каким образом проявляется диссонанс, то диссонирование говорит, насколько сильно диссонирует конкретное звучание. В нашей модели выражение для диссонирования получалось из психофизических соображений, из моделирования процесса сравнения, соотнесения двух звуков. А как только мы смогли описать элементы и отношения — мы получили целостную структуру, звукоряд.

Отметим, однако, что, хотя диссонирование возникло у нас как количественная характеристика, оно само по себе имеет как количественную, так и качественную стороны. Например, рассмотрим количественные характеристики отдельного интервала. Все эти характеристики распадаются на две категории: то, что мы называем квазиобъектными характеристиками или строением интервала (высоты и спектры звуков, их «размазка» — дисперсия), и так называемые субъектные характеристики (диссонирование). Видно, что объектные параметры дают количественную сторону интервала, а диссонирование определяет его качество (но теперь — по отношению к субъекту!):

строение → диссонирование → интервал
объект → субъект → продукт .

Тем самым мы еще раз убеждаемся, что для правильного понимания соотношения количественной и качественной сторон рассмотрения необходимо точно знать, в каких отношениях берется описывавший объект. Диссонирование как единство качества и количества, как качественная сторона количественных свойств интервала, требует особой тщательности интерпретаций в ходе построения теории.

встречаются утверждения, что культура есть консервативный момент воспроизводства, что она есть механизм передачи от одного поколения к другому традиционных способов деятельности. Мы считаем, что это не так. Наоборот, культура — это явление, отражающее зарождение нового на основе творческой переработки традиции. Это всегда движение вперед. Никто ведь не назовет культурным человека, полностью завязшего во вчерашнем дне, — или действие, не способствующее движению общества вперед по пути его революционного развития. Культура есть отрицание традиции, что мы могли бы выразить триадой

традиция → культура → цивилизация .

Как уже говорилось, основным элементом периодизации мы считаем историческую эпоху, единство ОЭФ и КИФ:

общественно-экономическая формация
 ↳ *культурно-историческая формация*
 ↳ *историческая эпоха*

Пожалуй, не вызовет особых возражений утверждение, что знания характера ОЭФ недостаточно для описания исторической эпохи. ОЭФ — это логическая, сущностная сторона ИЭ. КИФ — ее собственно историческая сторона.

Если говорить о теории, то теория ОЭФ — то есть, по сути дела, исторический материализм, каким мы его знаем, — показывает, как из практики материального производства вырастает общественно-историческая практика, во всем ее объеме. Теория КИФ, которую можно было бы назвать материалистической историей, — это, так сказать, обратное движение: из нерасчлененной, синкретической практики выделяется практика материального производства как ее основной элемент. Возникают своего рода доминанто-субдоминантовые отношения:

<i>общественно-историческая практика</i>	D
↑	
<i>практика материального производства</i>	T
↑	
<i>синкретическая практика</i>	S

Вспомним, что культура нами понимается как основа расширенного воспроизводства субъекта. Но в цикле этого воспроизводства заново возникают как материальная сторона субъекта, так и его идеальность, субъективность. Соответственно КИФ предстает единством типа предметной деятельности (ТПД) и типа рефлексии (ТР):

ТПД → ТР → КИФ .

Поскольку в основе развития культуры лежит развитие экономики, иерархичность КИФ, а также ТПД и ТР, должна отражать иерархичность ОЭФ. Разумеется, здесь можно выделить огромное число иерархических структур — для наших целей полезно вспомнить триаду *синкретизм → анализ → синтез*. Уделяя основное внимание рефлексии (в которой суть развития субъекта), выделим в развитом ТР уровни

<i>тип художественной рефлексии</i>	<i>синкретизм</i>
↓	↓
<i>тип аналитической рефлексии</i>	<i>анализ</i>
↓	↓
<i>тип мировоззренческой рефлексии</i>	<i>синтез</i>

Это движение начинается с некоторого *образа жизни*, порожденного синкретической практикой данного общества. Рефлексия этого образа жизни, пока она носит синкретический характер, есть искусство, в самом широком смысле. Возникающая при этом художественная, синкретичная *картина мира* — необходимое условие последующего научного анализа: наука есть способ понять, как мы понимаем окружающий мир. Наконец, обобщение научной картины мира приводит нас к универсальным формам мышления, к *Логике* (с большой буквы) — то есть к философии. Поскольку мировоззрение — высший уровень рефлексии, оно непосредственно

выражается в практике, в деятельности человека

Учитывая только что описанное движение

образ жизни → *рефлексия* → *картина мира* ,

мы видим, что связь между различными уровнями рефлексии осуществляется через практику, через продуктивную активность человека. Особенно важно уяснить чисто практический характер научного знания, поскольку этот уровень, по видимости, стоит дальше от практики, от жизни, чем искусство или мировоззрение. Еще Гегель подчеркивал, — а Энгельс с ним в этом полностью соглашался, — что наука носит принципиально «антропоцентрический» характер, что она всегда направлена на вполне конкретные, практические результаты. Никому не нужна «чистая объективность» — нам надо знать, для чего тот или иной объект может нам понадобиться. Абстрактный характер научного знания есть следствие того, что наука отражает объективный мир *не непосредственно* — она отражает мир, опосредованный человеческим действием и первичной, синкретической рефлексией.

Выше мы говорили о типе художественной рефлексии, типе научного отражения и т.п. Но что такое тип некоторой деятельности? Каковы его основные характеристики? Оказывается, здесь достаточно обратиться к широко известным методам описания ОЭФ — там есть все необходимое для построения универсальной логической формы, характеризующей любую деятельность:

Мы говорим, что тип деятельности представляет собой единство способа производства и способа распределения (или способа потребления). В свою очередь, способ производства определяется уровнем развития производительных сил и производственных отношений, а способ потребления предполагает определенный уровень обеспечения и определенные формы присвоения. Аналогично и тип деятельности предстает как соответствующая организация ее, опирающаяся на исторически сложившиеся формы разделения труда. Таким образом, деятельность выступает как иерархия — а ее компоненты отвечают соответствующим объектам в триадах иерархичности: элементы, структуры, системы, связи и т. д.

Мы получили тем самым способ характеристики любого типа деятельности, своего рода алгоритм для построения теории этой деятельности. Сейчас ведется работа по созданию на этой основе материалистической теории культуры как целостного, иерархического образования. Работа эта еще не скоро подойдет к своему завершению, ибо объем ее существенно превышает то, что возможно сделать нескольким кустарям-одиночкам. Важным следствием аналогии между общими положениями теории иерархий и строением теории культуры является возможность математизации ряда отраслей последней — как в политэкономии многие общественные явления получили математическое выражение.

Легко заметить, что знаменитое ленинское определение классов буквально соответствует нашей общей, логической схеме. Действительно, начиная с места в исторически сложившемся способе производства, мы учитываем величину и способ получения той доли общественного богатства, которой может располагать данный класс, а также его место в системе общественного разделения труда и роль в организации производства. Но, применяя логическую схему в другой области, — например, в теории культуры, — мы не только механически повторяем какие-то прежние свои рассуждения, но существенно обогащаем содержание новой области содержанием исходной. Действительно, приведенная выше логическая схема есть снятое в специфической форме классовое содержание. Поэтому ее применение, как и применение любой другой логики, носит полностью классовый характер — и от идейной позиции исследователя зависит его способность проникнуть в логику предмета. В частности, понимание такого явления как культура возможно только на основе марксистско-ленинской

фазе подготовки новой исторической эпохи, когда общество находится на перепутье, в неустойчивом и непривычной состоянии. Старые картины мира уже разрушены, а новых пока нет. Естественно, что прежде всего возникает новая синкретическая картина мира — и поэтому искусство определяет культуры переходных периодов. При стабилизации эпохи значимость искусства идет на убыль, и доминируют уже успевшие надстроиться более высокие уровни рефлексии. Ясно, что в конце ИЭ, в период ее упадка, господствует мировоззренческая рефлексия, что и делает возможной острую идейную борьбу угасающего строя с новым. Но если прошлое защищается прежде всего политическими средствами — то будущее наступает через искусство, через меткие и выразительные формы, понятные всем. Стоит в обществе возникнуть противоречию между официальной идеологической линией и преобладающими тенденциями в искусстве — жди грозы: близится конец старого общественного строя, переход к другим, более соответствующим уровню экономического развития формам общественного устройства.

Основой периодизации культур должно стать общее движение

синкретизм → анализ → синтез .

Мы, к сожалению, пока еще мало знаем о самых, первых шагах культурного человечества — здесь слишком много противоречивых сведений и произвольных толкований. Исходя из логики иерархического подхода, мы считаем, что человек становился человеком в процессе дифференциации экономики и культуры — а в самом своем начале культура (КИФ) была синкретична — то есть в ней еще не размежевались синкретическая, аналитическая и синтетическая (мировоззренческая) рефлексия. Искусство, наука и идеология пока есть одно и то же. (Однако уже на этой ранней стадии начинается дифференциация средств рефлексии, то есть тех объектов, посредством которых человек видит себя. Такая дифференциация обусловлена именно синкретизмом, неотделенностью культуры от производственного процесса. Орудия труда выступают и как произведения искусства, и как орудия творчества. Здесь корни первобытной магии, на первых порах охватывающей все стороны культуры. В магии «автор», «исполнитель» и «воспринимающий» совмещены в одном лице — настоящая магия всегда носит массовый характер.) Отметим, что этот синкретизм сохраняется и в последующие эпохи в народном творчестве. Становится понятно, почему именно народное творчество есть основа всякой культуры: просто оно представляет собой ее синкретический уровень, необходимый для последующего анализа.

⟨Вернемся, однако, к дифференциации средств творчества, порождающей такие направления первобытной рефлексии, как упорядочение и регламентация производственных процессов и канонизация формы орудий, изобразительная деятельность (рисование, лепка и т. д.), упорядочение звучания первобытных инструментов, возникновение мифологии. Важно, что пока это синкретические процессы, совмещающие все уровни отражения — и полностью подчиненные магии как способу коллективного действия.⟩ Решающая роль в дальнейшем «разъединении» экономики и культуры принадлежит мифологии. В мифе человек впервые отделяет себя как субъекта от себя как объекта своего внимания. Однако пока рефлексия недостаточно развита, человеку трудно увидеть «сразу два себя» — и он делает свое второе «я» из окружающей природы, персонифицируя ее. (Здесь уже полный цикл рефлексии: *Sb* → *Ob* → *Sb*, — однако непосредственный характер восприятия как бы сплющивает его, сливая «одного из субъектов» с объектом: (*Sb* → *Ob*) → *Sb*.) Такая персонификация не имеет ничего общего с религией — как некоторый уровень, она до наших дней сохраняется в искусстве (олицетворение и т. п.). Однако она может стать и становится религией, когда формы персонификации фиксируются социально. (Здесь, так сказать, культурно-исторические корни религии: социальное гипертрофирование формальной стороны человеческой рефлексии, превращение мышления в обряд.) Такой фиксации немало способствует магическое отношение к миру, превращающееся теперь, с опусканием вглубь иерархии, в тормоз дальнейшего разделения типов рефлексии.

Развитие общественного разделения труда приводит все же к обособлению, к различению *в рефлексии* (но пока не в практике,) производственной и «культурной» деятельности человека. Здесь мы переходим к эпохе раннего рабовладения, когда с углублением классовой дифференциации общества удлиняются цепочки опосредований, связывающий одного субъекта с другим и, следовательно, один акт рефлексии с другим.

У меня осталось совсем мало времени — и я не буду давать детальную характеристику каждого последующего этапа, лишь бегло перечисляя их. Но подробные описания и не входят в круг задач этого доклада, цель которого — пояснить логико-методологическую основу теории культуры. Тем более, что все здесь присутствующие достаточно хорошо знакомы с историей музыки, хорошо иллюстрирующей отмеченные ранее закономерности.

Итак, рабовладельческая ОЭФ. Она очевидным образом делится на несколько исторических эпох: раннерабовладельческая эпоха, период государственно-племенного дуализма (и, в частности, так называемый «азиатский» способ производства), период рабовладельческой централизации (с образованием крупных государств, ведущих непрерывную колонизацию соседних земель), эпоха упадка рабовладения (связанная с неспособностью рабовладельческого способа производства объединить огромные территории и массы народов в одно экономическое и культурное целое). Каждая из этих эпох потребовала бы отдельной книги, если пытаться сколько-нибудь полно охарактеризовать соответствующие КИФ. Однако главной чертой всего периода рабовладения является такое развитие разделения труда, при котором дифференцируются все типы и формы рефлексии как ее *внутренние* моменты. В частности, уже существует разделение автора, исполнителя и потребителя в искусстве (о котором в дальнейшем и пойдет речь). (Для этого, конечно необходимо, чтобы появилось само искусство. И оно появляется, сразу отделяя массу рабов, культура которых все еще синкретична, от свободных людей — включая обслуживающих их запросы рабов как говорящие орудия, — имеющих возможность специализированного творчества.) Здесь возникают первые картины мира — всеобъемлющие в своей синкретичности. Тем самым появляется возможность перейти к научному познанию — и этот переход начинается, хотя наука пока еще не может обособиться от других уровней рефлексии и продукт ее, в конечном счете, синкретичен, возникают первые системы знания — то есть рефлексия сложившихся в рамках первобытной культуры традиций. (Но именно из-за всесторонности таких систем они есть некий подуровень синкретизма, который в рабовладельческие эпохи приобретает качественную определенность, иерархичность. Тем не менее, по отношению к последующим уровням культуры, культура рабовладения носит, скорее, структурный характер: в ней есть все, но оно просто есть, без активных взаимопереходов различных элементов культуры. Связи здесь носят характер ссылки, критики, абстрактного отрицания: каждый исследователь отвергает все чужие точки зрения и строит свою концепцию «от печки», то есть на основе первобытного синкретизма и мифологии. Пожалуй, лишь у Аристотели начинает наблюдаться тенденция к творческой переработке инородных взглядов, к включению их в свою «систему».)

Период феодализма также распадается на ряд исторических эпох. Однако рабовладение в целом характеризуется движением от синкретизма культуры к ее аналитичности — при синкретизме типов культуры. Феодализм же застаёт уже дифференцированную культуру — и его задача сделать аналитической каждую из ее областей. В частности, формируется наука как таковая, как аналитическая рефлексия.

(В эти времена творец — вассал или крепостной, искусство обслуживает владельцев особ разного уровня: сначала феодала, потом короля, потом городскую знать. Сословность и ремесленничество в искусстве. «Натуральность», раздробленность и замкнутость круга образов — отсюда медленное развитие. Резкий контраст искусства для знати и искусства для черни.)

Стандартизация выразительных средств приводит к появлению условности, знаковости в искусстве, в результате чего оно становится языком, то есть универсальной формой общения. Развитие художественного мышления порождает композиционность — логику искусства.

Эпоха зарождения капитализма (Возрождение) характеризуется промышленным подъемом и, соответственно, резким расширением рамок культуры (в том числе, за счет территориальной экспансии). Искусство становится публичным, а художник — кустарем, изготавливающим вещи на продажу. Он все еще полностью зависим от заказчика, но заказчиков стало больше. Поиск синтетичности и универсальности отражает процесс консолидации наций, хотя искусство на этом этапе еще не стало национальным. (В частности, в музыке: возникновение развитых оперы и полифонии как выражение общей тенденции к синтезу.)

Ранний капитализм делает из художника наемного рабочего, окончательно разделяя автора, исполнителя и воспринимающего. Средства труда часто не принадлежат автору или

исполнителю, арендуются им. Продукты искусства становятся товарами и только товарами: широкая публичность создает рынок шедевров. Конкуренция требует художественного поиска, в тесных рамках работы на обывателя-буржуа. И этому способствует промышленный переворот, сильно обогативший инструментарий художника, расширивший его возможности. Формирование идеологического уровня в искусстве отражает становление в эпоху раннего капитализма его политической системы. Усиливается классовый характер искусства.

В эпоху зрелого капитализма обнажаются его противоречия, но не видно путей их разрешения. Это приводит к романтизму, абстрактному отрицанию содержательной стороны старого искусства без существенной модификации его форм. Последние все же обогащаются, становятся более гибкими, переходят друг в друга — и тем самым выявляют границы своей применимости. Здесь, в частности, большое внимание уделяется колориту, выразительности образа. Закончена консолидация наций — искусство носит национальный характер.

Переход к империализму, превращающий капитализм в мировую систему, окончательно утверждает всеобъемлющий характер товарного производства, до конца выявляет социальные противоречия. Начало размывания межнациональных барьеров в искусстве — и национализм как естественная реакция. Экспансия капитала — новое раздвижение горизонтов искусства. Диссонансы в жизни — диссонансы в творчестве. Наблюдается резкое разрушение старых форм, своего рода «технологический декаданс». Нет стабильности — фиксация «сейчас», импрессионизм. Бессмысленность бытия — антиискусство. Резкое убыстрение темпа жизни — динамизм в искусстве, граничащий с хаосом, либо наоборот, созерцательность, пассивность.

Весьма сложен анализ культуры новейшего времени, по этапам общего кризиса капитализма. Тем более тяжело построить систему критериев для оценки явлений социалистической культуры. Здесь еще всем нам предстоит немало поработать. Движение вперед невозможно без основательной платформы понимания предшествующих исторических эпох. А потому необходимо, прежде всего, конкретизировать общие положения теории по отношению к истории конкретной культуры — например, русской или западноевропейской. Но уже сегодняшняя «пробежка» по историческим эпохам позволяет придать больше конкретности описанным ранее логическим схемам. В приложении к искусству мы обнаруживаем следующие характерные признаки культуры:

1. Развитость типов рефлексии, характер разделения искусств.
2. Основные противоречия эпохи, отражение их в искусстве:
  - а) в круге тем;
  - б) в выразительных средствах;
  - в) в общей направленности искусств — задача эпохи.
3. Способ производства:
  - материальная основа творчества, орудия и приемы работы с ними;
  - отношение автора к его продукту и отношение потребителя к автору;
  - широта и глубина отношений по поводу произведений искусства;
  - материальная организация распространения и потребления творческого продукта.
4. Способ потребления:
  - массовость искусства, возможность тиражирования;
  - ориентированность на потребителя, сословность и демократизм;
  - главный потребитель (определяющий направления развития), характер социального заказа и его формы;
  - контраст искусств различных социальных слоев;
  - способы присвоения творческого продукта.
5. Отделенность автора от исполнителя и потребителя. Их личная свобода, положение в обществе.
6. Жесткость или мобильность. Аналитичность или синтетичность в рамках синкретизма.
7. Преобладание прогрессивности, поступательного, эволюционного движения — либо агрессивности, отрицания старых форм и старого содержания.
8. Отношения тематики и формы: что главенствует, жесткость связей.

9. Ремесленничество и творчество. Преобладание традиционности или революционности.
10. Сочетание изобразительности и выразительности в искусстве. Требования к адекватности отражения действительности -и преобладающие объекты отражения.
11. Осмысленность выразительных средств:
- направленность на воплощение идеи;
  - развитость теории и роль критики, рефлексивность;
  - замкнутость системы средств.
12. Композиционность, логизированность искусства. Многоплановость. Реалистичность.
13. Широта обратного воздействия на образ жизни:
- роль в формировании традиционной картины мира;
  - роль в формировании общественного мнения;
  - значительность искусства, социальная потребность в нем (качественная характеристика!);
  - самосознание художника;
  - распространенность форм и методов искусства;
  - политический вес искусства.

Несколько слов о будущем. Мы не можем описать сколько-нибудь определенно искусство ближайших десятилетий — но есть одна закономерность, которая, несомненно, носит фундаментальный характер. Это движение к синтетичности. Первый шаг всякого нового направления рефлексии — обособиться, отделиться от остальных, развить себя в чистоте и возможно более полном объеме. Однако в дальнейшем начинает преобладать процесс сближения самых далеких отраслей человеческого самопознания — и мы живем в эпоху, когда в искусстве главную роль играет слияние различных его видов в самые невообразимые комбинации. Особенно подстегнула этот процесс научно-техническая революция, давшая огромное разнообразие форм синтеза и обеспечившая невиданную доселе массовость искусства. Это должно в конце концов привести к вовлечению в творческий процесс все больших масс народа — и к устранению известного подобострастия перед лицом большого художника. Творчество в искусстве станет общедоступным — и разделение автора, исполнителя и потребителя будет снято в таком состоянии дел, когда каждый сможет быть и автором, и исполнителем, и воспринимающим, независимо от совпадения или несовпадения каких-то из этих ролей в одном лице. Тем самым синтезируются синкретичность народного творчества и аналитичность профессионального искусства. Мы идем ко времени, когда искусство полностью утратит профессиональный характер, не утратив, однако, профессионализма. Разумеется, такое будущее не близко — вряд ли кто из здесь присутствующих доживет до него. Однако черты подобного синтеза, освобождения человека-художника, наблюдаются в нашем искусстве, в наши дни. Надо только внимательно присмотреться.

У меня все.

ДИСКУССИЯ

Вопрос: Как известно, разделение автора, исполнителя и слушателя возникло не так давно. В Средние века его еще не было, так что это Возрождение, или даже позже. А до этого вместо трех были две категории: исполнитель, соединенный с автором, — и слушатель. Был, так сказать, дуализм. А по вашему выступлению можно подумать, что полное разделение произошло чуть ли не в эпоху рабовладения...

Ответ: Нет, это не совсем так. Разделение автора, исполнителя и слушателя — своего рода культурная специализация — разумеется, произошло не сразу, но зарождается оно именно в период рабовладения. Мы знаем, что в Древней Греции были люди, зарабатывавшие себе на жизнь исполнением чужих произведений — например, народных сказаний, песен и т. д. Уже в первобытной общине исполнение каких-то обрядов, связанных с пением и танцами, начинало отходить в ведение специально подготовленных людей, превратившихся в жрецов с утверждением рабовладения. Это тоже признак исполнительской специализации...

Реплика: Да, но тогда автора еще не было...

Ответ: Это не столь существенно, когда речь идет о выделении исполнителя. Можно, конечно, считать, что исполнитель являлся одновременно и автором — но в такой же мере и современный исполнитель является творцом некоего *нового* произведения, отнюдь не однозначно связанного с тем материалом, на основе которого строится исполнение. Заметим, однако, что уже в античности существовало весьма определенное авторство в ряде областей — например, в поэзии и ораторском искусстве. И даже речи знаменитых ораторов могли исполняться другими людьми (скажем, в целях обучения риторике) — не говоря уж о собраниях стихов, которые были рассчитаны на чтение — то есть, по сути дела, исполнение их читателем для себя или чтецом для других.

Тем не менее, при всей очевидности наличия специализации автора, исполнителя и воспринимающего во времена рабовладения, мы не можем сказать, что подобное разделение *сложилось* уже тогда. Как я уже говорил, всякая дифференциация в культуре той эпохи происходила в рамках синкретизма, как проявление тех или иных сторон некоторого еще неразвитого целого, как обращение иерархии. Выделение той или иной культурной специализации было пока случайным и не приводило к формированию соответствующих общественных институтов. Не следует забывать также о значительном сохранении вплоть до последних ступеней рабовладения активного характера восприятия произведений культуры, когда воспринимающий сливается с исполнителем и, вместе с ним, становится автором. Уже отмечалось, что такого рода синкретизм вообще характерен для народного творчества и вплоть до наших дней остается одним из уровней культуры. Однако еще в эпоху раннего феодализма такое явление наблюдалось не только в народной среде, но и в среде не слишком крупных феодалов. Лишь позднее, в эпоху формирования централизованных феодальных государств, активное восприятие ушло из господствующих, верхушечных слоев — оставив, впрочем, в наследство им массовое увлечение музицированием, стихосложением, танцами и т. п. — то, что сейчас называется «классическое образование», а по сути дела, представляет собой новую фазу старого синкретизма, приспособленную для определенного класса.

Окончательно установилась культурная специализация лишь с приходом капитализма, сделавшего любые отношения между людьми отношениями купли-продажи. Только в такой среде могли возникнуть автор, исполнитель и слушатель как особые социальные институты, как профессиональные касты. И дело социализма ликвидировать узкий профессионализм — в частности, в искусстве, — дать людям возможность *универсального* творчества.

Папуш: Тут очень сложная ситуация... Скорей всего, у нас здесь коммуникации не возникнет — я просто выскажу свое отношение, а там посмотрим.

Тот способ мышления, который Вы демонстрируете, в европейской традиции возник так две с половиной тысячи лет тому назад. Тогда же были поняты как его преимущества, так и его очень большая опасность для культуры, для человечества вообще... И все это обсуждалось в дискуссии Сократа, Платона и позже Аристотеля с софистами.

Что это за способ мышления? В тот момент, когда появляется возможность оперировать со знаковыми формами, появляется возможность создавать смыслы — благодаря оперированию со знаковой формой — смыслы без содержания. Например: есть понятие количества информации. Есть понятие процесса, отдельно. Мы берем знаковую форму одного с маленьким довесочком смысла, но не содержания, — берем знаковую форму другого, тоже с маленьким довесочком смысла, но не содержания, — соединяем их и получаем «информационный процесс». Все такие приемы давно освоены. Кстати, гегелевские триады являются классическим примером такого рода работы, правда, с одним «но»: Гегель, благодаря тому, что он был наследником Канта, Шеллинга и других, имел возможность контролирования. Вся критика софизма Платоном, Аристотелем, стоиками и т. д. сводилась к одному: для того, чтобы смыслопорождение было содержательным, необходим способ контролирования. Искали разные способы: этика у Сократа, объективность у Платона, логика у стоиков. Это те самые три семиотические измерения: Сократ опирался на прагматику, Платон на семантику и стоики на синтаксис. Все они искали способ контролирования, так сказать, умерения смыслообразования. Вот самый яркий пример такого софистического смыслообразования, своего рода классика:

— Есть ли у тебя собака?

- Есть.
- Она твоя собака?
- Моя.
- А у нее щенки есть?
- Есть.
- Значит, она мать?
- Да.
- Значит, она твоя мать. Значит, ты, соответственно, сукин сын.

Этой истории две с половиной тысячи лет.

У Вас была очаровательная фраза, что все это, мол, расписывание ленинской классовой теории — это действительно так, ибо, когда вам дано содержание, когда вы его видите, вы можете с помощью этого своего аппарата так организовать мысли, чтобы они вам членили это содержание в соответствии с вашим набором категорий и операций — и это делается как угодно: вы можете задать любые категории, любые операции — и все пойдет.

К сожалению, такое мышление абсолютно некоммуникативно. Я могу сказать не *материя* → *движение* → *бытие*, а как-нибудь иначе — и тоже все построю, распишу ленинскую теорию классов, энгельсовского «Анти-Дюринга», гегелевскую «Логикку» — и все, что угодно, распишу. Вся сложность состоит в том, что, благодаря Сократу и последующим философам, в культуре европейского мышления было найдено много различных способов его объективации. Это все опять же расписано, рассмотрено и т. д. А ситуация, в которой Вы лично находитесь, как мне кажется, очень образно и красиво описана Платоном в диалоге «Парменид», где приходит Сократ, приносит массу таких вещей, а седой, умудренный опытом Парменид ему говорит: мол, молодец, очень похвален твой интерес к этим вещам, но для того, чтобы истина от тебя не ускользала, надо научиться тому, что я здесь несколько неуклюже называю контролем над смыслообразованием, и дальше идет, если Вы помните, то самое сопоставление «единое» и «единая вещь», на котором задается этот контроль.

Вот мое отношение: очень здорово и очень интересно — триада, но... Там есть, в частности, еще один момент: гегелевская триада, которую Вы так здорово освоили, является результатом оппозиции, то есть она есть просто расширенная оппозиция — а уже тысячи за две лет до того выяснили, что мышление может быть объективным, содержательным и результативным только когда оно опирается не на триаду, а на тетраду! И Ваша исходная триада — это знаменитое каббалистическое «Я есмь сущий»... Уже тогда они поняли, что иерархия, объект и все остальное возникает не когда есть три — потому что из трех она возникнуть не может, — а возникает, когда есть четыре. Позже гностики это осознавали в виде логоса и т. д. То есть все эти схемы имеют многотысячелетнюю историю, они не раз разыгрывались, не раз разрабатывались... Так что вот такое у меня отношение.

Ответ: Я позволю себе высказать на это пару замечаний. Во-первых, я никогда не утверждал, что триадичность является чем-то существенным — это лишь одна из возможных логических форм. И, снова повторю, сам Гегель это подчеркивал. Какая разница, триада ли, тетрада — или еще что-нибудь! Это только форма, а важно и существенно то содержание, которое за формой скрывается. А содержанием являются главные законы диалектики, о которых я не говорил подробно, предполагая, что мы все их знаем. Каждая триада выписывается не просто в качестве формальной манипуляции, мы не просто сочиняем терминологию — мы ищем нечто в реальной действительности и смотрим, чему оно отвечает в таком ходе мышления, основой которого являются законы диалектики, так или иначе формализованные. При этом мы учитываем, что знание не бывает бесформенным, и что форма не существует в отдельности от содержания. *Вся* логика представляет собой те самые порождения смыслов, о которых Вы так пренебрежительно отзываетесь, — а мышление без логики есть нонсенс. И возможно смыслопорождение лишь благодаря содержательности самих форм мышления, что давно уже общепризнано советской психологией. Сама логика имеет, на самом деле, несколько уровней, о которых я здесь не говорил. В частности, есть логика как способ мышления, а есть логика как способ действия. И все рассуждения о том, что кто-то до чего-то додумался 2000 лет назад, — это, извините, ерунда, поскольку, если нет соответствующего способа действия, нет и понимания. Я никогда не любил утверждения в только что

прозвучавшем здесь духе, будто бы все было давно изучено и доказано. Чем же тогда занимались люди в последующие 2000 лет? Просто мучились маразмом? И о каком доказательстве, о какой ясности может идти речь, если и сейчас люди на каждом шагу путаются в элементарнейших вопросах диалектики, если и сейчас мышление предпочитает видеть только схемы — и не замечать движения, саморазвития? В частности, наглядный тому пример — Ваше выступление, ибо Вы увидели в наших триадах *только схему*, тогда как я всячески подчеркивал, что она отражает массу прочих моментов — в том числе и способ деятельности, безотносительно к тому, насколько эта деятельность окажется успешной. Сам факт, что люди обращаются к Сократу или Гегелю до сих пор, свидетельствует о нерешенности тех вопросов, к которым они лишь *слегка прикоснулись*, разумеется, ничего не доказав и не прояснив. Знание вообще нельзя получить со стороны — его надо добыть самому, выстрадать, если хотите. Найдите мне хотя бы десяток людей, понимающих, что такое иерархичность, системность, объект и субъект! До сих пор все, завидев триаду, кричат о формализме (не видя в ней также процессуальности и иерархичности) — а это и есть формализм, слепое повторение зазубренных положений из учебников и философских словарей.

Я еще раз повторю: выписывание триад — не самоцель. Они просто организуют наше знание, упорядочивая, если хотите, тот хаос понятий и операций, который царит в большинстве — если не в 100% — голов. Само же знание — не в том, как мы что-то назовем и в какой триаде его поместим; знание — в объекте, с которым мы должны иметь дело в нашей практике. Поэтому вопрос о «верификации», о контроле над смыслообразованием, просто не возникает; если бы Вы обратились не к античным философам, а к В. И. Ленину, Вы бы начали с того, что правильность и адекватность любой схемы определяется практикой, а не абстракциями вроде всеобщих и вездесущих этики, объективности или логики. Если триада помогает нам овладевать окружающим миром — да здравствует триада! Не надо только абсолютизировать ее, равно как и любую другую логическую конструкцию.

Следовательно, то, что Вами было сказано, никакого отношения к нашей теории не имеет.

⟨Попробую несколько более подробно ответить на отдельные положения вашего выступления.

Первое. Возможность «оперировать знаковыми формами» никогда не появляется абстрактно — она всегда связана с возможностью модифицировать соответствующим образом внешнюю, практическую деятельность. И до тех пор, пока игра со знаками не вызывает противоречий в практике, она столь же естественна и необходима, как, скажем, желание поесть или поспать. Более того, поскольку форма в отдельности от содержания, если не впадать в мистику, вообще существовать не может, формальные операции *всегда* содержательны — другое дело, что мы не всегда умеем понять эту содержательность. Пример с информационным процессом, скорее, подтверждает полезность формального манипулирования, чем его бессодержательность: ведь, в конце концов, информационные процессы сейчас считаются вполне подходящим предметом для научного описания и практического применения — чего стоят названия книг типа «Информационные процессы в дискретных системах» или «Information processing» («обработка информации»)! Гораздо интереснее был бы, скажем, пример из Вашей любимой античности — кентавр. Вроде бы чистая форма, без какого бы то ни было отношения к реальности. Однако разве для нас с вами кентавры, русалки, трехглавые змеи или ведьма на помеле — не реальность? Неужто они не несут никакого содержания? Тогда почему же эти образы не сходят со страниц любой литературы, и особенно прижились в поэзии? Рассуждая по-Вашему, любую метафору, любой троп в поэзии следовало бы квалифицировать как форму без содержания, как абстрактное манипулирование знаковыми оболочками «нормальных» понятий (оставляя в стороне вопрос, откуда берутся эти «нормальные»). Это ли плодотворный подход в искусствоведении? Почему бы вам тогда не признать *всю* музыку формой без содержания? — она ведь больше всего связана с комбинированием абстрактных интонаций! Тогда Вы, музыковед, просто останетесь без работы.

На самом же деле, всякое мышление *невозможно* без формальных манипуляций. Именно они составляют его логическую, то есть операциональную основу. Другое дело, что мышление не сводится только к формальным манипуляциям, но имеет огромное количество и других сторон. При этом оказывается, что заявления о содержательности или бессодержательности тех или иных логических построений метафизически ограничены: форма не просто имеет или не

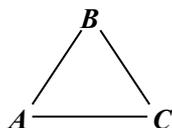
имеет содержания — она *становится* содержанием, перетекает в него, или, как говорил Гегель, рефлектирует в свою противоположность. Любая абстрактная комбинация *может* стать наполненной и конкретной, если она существует не в себе, а в контексте определенных, внешних по отношению к ней, отношений. И потому русалки реальны в контексте художественной культуры нашего времени — реальны не как смесь рыбы с женщиной, а как художественное явление. И потому информационные процессы существуют — не как синтез информации и процесса, а как вполне определенные явления в практике переработки информации.

Второе. В соответствии с вышесказанным, не надо искать какие-то особые способы контроля содержательности логических, формальных построений. Просто те из них, которые не нужны практике, не сумеют выжить — вот и все. Однако не исключается возможность «воскрешения» их в последующие эпохи — практика ведь не стоит на месте! Например, приведенный софизм относительно сукиного сына возник как логический трюк — но умер как логическая форма, чтобы воскреснуть в качестве забавного анекдота, отнюдь не лишённого логического содержания. Например, Вы иллюстрируете им определенный способ мышления — следовательно, анекдот превращается в некую *модель* вполне реального объекта, то есть его логический эквивалент. Рассуждение первобытного софиста *приобрело* содержание, но не то, которое исходно предполагалось.

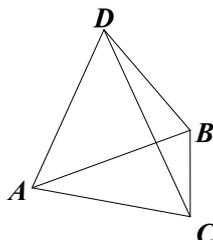
Третье. Я не «расписывал» ленинское определение классов, как Вы изволили выразиться, а специальным — и не единственно возможным! — образом интерпретировал его. Я выделил из него логический каркас, не привязанный к конкретной тематике, — и тем самым сделал его универсальным, применимым во многих других областях, а не только в теории классовой борьбы. Но что значит применить логическую схему? Это значит, найти в эмпирическом материале конкретной области описываемые логикой взаимосвязи. Конечно, в полном объеме этого сделать обычно не удастся — а тогда логика начинает играть эвристическую роль, указывая либо на неполноту наших знаний в исследуемой области, либо на собственную неадекватность. В обоих случаях, стимулируются дальнейшие исследования и дается общее направление им. Совершенно правильно отмечено, что сам характер логических форм здесь безразличен (и это свидетельствует о наличии логики более высокого уровня!) — однако практика неизбежно оставляет в живых только некоторые способы рассуждения, наиболее соответствующие культуре данной эпохи и, в конечном счете, способу производства. И если Вы берете на себя роль Парменида и пытаетесь указать мне на излишнюю формальность моего способа мышления, то я откажусь от удовольствия побыть Платоном и омолодиться на 2500 лет для того, чтобы уверенно заявить: да, я мыслю формально, но я не только мыслю формально — а еще и создаю сами формы моего мышления, учитывая и положительный, и печальный опыт всех предшествующих поколений. Более того, я мыслю вообще постольку, поскольку у меня есть эти формы — а без всякой формы мыслить умеет разве только придуманный нами господь-бог, если мы пожелаем наделить его этой способностью.

Четвертое. Мышление не станет результативным и объективным только от того, что вместо триады мы станем мыслить тетраду, вместо одной схемы другую. В конце концов, мы на каждом шагу сталкиваемся с образчиками весьма результативного мышления, не поднимающегося выше дихотомии, или даже «монады». На самом деле, получить что-либо новое можно только *опровергая себя*, разбивая свои собственные способы мышления и свободно переходя от одной схемы к другой (включая и эту схему!). Потому тетрада — такие же леса для мысли, как и все остальное в логике. Но когда здание построено, леса убирают, так что нельзя точно увидеть, каким образом они выглядели — да и не нужно, коль скоро есть само здание. Глупо утверждать, что здание возникает из лесов — но леса при постройке необходимы. Точно так же объект, иерархичность и т. п. не «возникают» из триады или тетрады — они существуют, проявляются в *практике*, независимо от нашего понимания или непонимания, от форм нашего мышления. Зависимость здесь обратная: формы мышления возникают по образу и подобию объекта. А значит, если триада живет тысячелетия — она воплощает в себе какую-то существенную сторону человеческой практики, так же, как и тетрада, или диада. Задача не в том, чтобы обругать одну из форм ради какой-то другой, — но в том, чтобы понять, почему сложилась та или иная форма, где тот порядок в природе, который отразился в ней.

Кстати о тетраде. Как триада в своей основе содержит противопоставление двух диад ($A \rightarrow B \rightarrow C$ есть единство $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow C$), так и тетрада есть просто-напросто триада отношений: $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D$ есть $(A \rightarrow B) (B \rightarrow C) (C \rightarrow D)$. И если в триаде сняты подуровни монады и диады, то в тетраде триадичность становится подуровнем. Уже говорилось об обращениях триады, которую поэтому можно представить в виде треугольника

не выделяя ни одной вершины. Снятие этого треугольника в единичный объект D дает нам тетраду

в которой также возможны многочисленные обращения. Легко понять, что возможно использование любых полиад в качестве логических схем — они будут изображаться некоторыми многомерными симплексами. В частности, монада — нульмерный симплекс, диада — одномерный симплекс (то есть она характеризует просто некоторую направленность, ориентированность какого-либо процесса), триада — двумерный симплекс, плоский. Но все мы знаем, что наше мышление гораздо больше привыкло оперировать с плоскими фигурами. Трехмерное воображение — довольно редкое явление, и в большинстве случаев объемные мыслятся в своих проекциях на разные плоскости. Поэтому гораздо легче оперировать триадами, нежели тетрадами, хотя последние еще могут быть полно представлены в своих проекциях на плоскость. Больше трех измерений лишают нормального человека опоры на представление — и потому мало проясняют суть дела.

Реальные объекты, как уже отмечалось, бесконечномерны. И для того, чтобы познать их, мы вынуждены выделять какие-то подиерархии, имеющие сравнительно небольшую размерность. Мы как бы проектируем иерархию на прямую или плоскость, тем самым «отбрасывая» многие ее особенности, несущественные для данного аспекта, но могущие заявить о себе в других отношениях.

Отметим, что триада — *минимальная* ячейка иерархичности: два уровня и связь между ними. Диада не содержит опосредования отношения двух полюсов — и потому нерелективна, а значит, не может характеризовать развитие. Она аналитична и не описывает целостности. Поэтому диада, будучи пригодной для описания структур или систем, не дает собственно иерархичности. Но уже в триаде присутствуют все атрибуты иерархии, как отмечалось в соответствующем месте доклада. В этом смысле триады служат теми кирпичиками, из которых строится более сложные схемы, то есть являются универсальной основой нашего понимания иерархичности. Может быть, с этим связана «двумерность» наших представлений и трехмерность пространства, в котором мы живем.)

Комментарий: Я хочу начать свое маленькое заключение с большой благодарности. Это не просто жест, а благодарность конкретная, за то, что мне, как музыковеду, самому обыкновенному, эрудированному не слишком много, но достаточно, чтобы в какой-то степени включить головной мозг в этой области, очень важно увидеть другую грань, что ли, с которой можно посмотреть на все, что угодно,— и на музыку, и на историю, и какие-то процессы... Это все очень интересно. И пусть порой мне кажется, что это неубедительно, где-то смешно — я не берусь сразу судить, почему мне так кажется: может быть, я еще чего-то не знаю, что-то не связал в своем сознании... Но мне в любом случае интересно на это посмотреть. А пытаюсь охватить в целом, что происходит, зачем об этом мы говорим на семинаре и какой для себя самый общий вывод я могу сделать, — мне хочется выделить вот какой момент... Триады триадами, тетрады тетрадами — но диада, дихотомия тоже имеет свое право на существование

и для описания каких-то моментов действительности бывает удобна. Например, различать две стороны почти всегда удобно в каком-то сложном процессе, показывая его тенденции: в одну сторону и в другую — а между ними вся реальная действительность этого процесса. И при таком описании не возникает необходимости в триадах или более сложных конструкциях — они появляются, когда идет какая-то иная логическая работа. А для общего, не слишком определенного описания габаритов, основных тенденций, бывает удобна дихотомия. И когда я воспринимаю такие сообщения, то я — для себя — вижу одну из дихотомий музыковедения — эта область, в которой мы сейчас существуем, и в которую Вы тоже специально пришли, потому делая сообщение у нас, а не где-то, — область, которая занимается изучением музыки. И я вижу две тенденции, к одной из которых и относится Ваше выступление, которое является одним из флангов, одним из крайних проявлений давно известных вещей. Можно музыку изучать просто как музыку, меньше всего заботясь о методологии, о логике своей работы, изучать ее как данность, как конкретность, какими-то методами, имеющимися в наших руках... — разумеется, всегда научное обобщение присутствует, но как бы все мельче, мельче, все конкретней, все ближе к материалу. Можно идти совсем в другую область, интересоваться, науковедением, методологией, вообще, логикой — логиками разными, потом сводить их к Логике Бытия и, вообще, выйти в космос — и потеряться совсем, или, во всяком случае, потерять музыку. И красиво оперируя, практически ничего не получить в результате этой деятельности. Мне показалось, что в Вашей работе именно такая тенденция — и частным ее подтверждением была предложенная вами не периодизация искусств, а, что ли, историческая пробежка по ней. С позиций такой развитой логической работы сказано почти ничего, кроме того, что было видно вообще до всякой логической работы: вот, попозже, еще попозже и т. п. И для себя я оцениваю в этом плане не хорошо или плохо, а в плане пользы этой работы...

Ответ: Я понял. Соответственно, могу ответить так. Действительно, дихотомия имеет право на существование, никто этого не отрицает. Более того, любая триада и представляет какую-то дихотомию — но при этом она говорит, что нельзя абсолютизировать ни одну из этих сторон, они могут существовать только в дополнении друг к другу — то есть являются сторонами чего-то третьего, другого.

Что же касается практического выхода всего этого аппарата, я, разумеется, не мог здесь ничего особенного изложить, хотя у нас и имеется довольно подробное описание ряда стадий КИФ. Однако эта работа еще ни в коем случае не может считаться завершенной: слишком много материала и слишком много работы по его упорядочению. Поэтому мы не претендуем на то, что мы здесь что-то сделали. Речь идет о том, что у нас есть определенный подход к этой работе, и мы его потихонечку применяем и надеемся, что в этом направлении что-то у нас получится. Та пробежка, которую я совершил сегодня, действительно, очень мало относится к собственно логической схеме — это, скорее, ее эмпирическая основа. Чтобы сколько-нибудь полно показать связь периодизации искусств с общей логикой, необходимо по каждой отдельной формации описать соответствующий тип художественной деятельности. А этого описания я как раз дать не могу, во-первых, потому что у нас далеко не все сделано, а во-вторых, потому что это потребовало бы отдельного выступления по одной из КИФ. Поэтому то, что представлено здесь сегодня — в основном формальная сторона дела, без результатов пока — и все возражения по поводу кажущейся подвешенности в воздухе изложенного материала в общем-то справедливы.

Замечание: Я тогда позволю себе добавить к тому, что вы говорите... По-моему, нельзя ставить перед собой такую задачу: открыть какую-то логику и потом все с ее позиций переварить — тогда надо будет, по идее, переписать все имеющиеся труды о музыке и обо всем...

Папуш: Такая была идея у Гегеля...

Дальше: Да, я это помню. Нам объясняли, как Гегель пришел к своей идее идеального прусского государства... Здесь неправильное приложение результатов его труда, которые сами по себе имеют всемирно-историческое значение, а полученные при помощи его логики результаты никуда не годятся... Ну, это неважно, — я хочу сказать, что вы все равно делаете очень большое дело. Я даже не могу оценить, удачно вы это делаете или нет, будет из этого что-то или нет.

Реплика: Для музыки, я считаю, это вообще очень полезная работа,.. У нас историю музыки читают совсем в историческом плане...

Дальше: Ну вот. Но не известно, что в истории музыки вы можете дать — или каждой отдельной триадой, или тем, как вы сумеете с помощью всего этого веера разобраться в одной триаде... Там, видимо, придется их почти все забыть, а иногда бывает нужно и вообще все забыть, и вообще встать на какие-то устаревшие методологические позиции, но зато прекрасно что-то описать, и разобраться, и научить других этому, и все такое. Но все-таки нужно, чтобы кто-то думал о том, как все обстоит в самом общем виде. И поэтому ваша работа очень важна.

Ответ: Я хочу отметить один момент. Мы ни в коем случае не считаем, что единственный возможный способ изучения чего-то — это формальный подход. Формальный подход — только одна сторона. Разумеется, изучение предполагает массу неформальных операций, массу практических каких-то вещей и т. п. Ведь сами по себе наши исследования не возникли бы, они опираются на то, что уже есть в литературе. А то, что есть в литературе, каким-то образом отражает, в свою очередь, то, что есть в жизни. Хотя бы опосредованно, но связь с жизнью всегда должна быть, а без этого любая формализация — ничто, пшик. Поэтому я с уважением отношусь и к работе обычных музыковедов, относя ее, правда, не к науке, а к аналитическому уровню самого искусства. Однако должна существовать и обратная связь, от методологии к жизни. Нельзя полагаться только на стихийно сложившиеся методы работы, пора активно творить их, расширяя тем самым возможности исследователей-«практиков», «прикладников». И, конечно, нельзя придавать логике излишне всеобъемлющего характера, как это, в конечном счете, сделал Гегель, хотя и сам критиковал подобные действия других. Надо просто принимать любой факт, который не укладывается в наши схемы, как руководство к действию — надо пытаться его объяснить, модифицируя, если потребуется, весь логический аппарат. Но как только мы поняли данный факт, мы можем — и должны — превратить его в логическую схему, и на этой основе искать новые факты. Логика дает нам направления поиска, гипотезы. Оправдывать эти гипотезы может только жизнь.

Конец записи

<http://unism.pjwb.net/arc>

<http://unism.pjwb.org/arc>

<http://unism.narod.ru/arc>